

Когда Му Цинхуа очнулся, стояла глубокая ночь. Яркая луна высоко висела в небе, заливая всё вокруг серебристым светом, а в воздухе, казалось, клубилась лёгкая дымка.

Он погладил пустой живот, перевернулся и спрыгнул с ветки дерева. В белых одеждах, с разметающимися чёрными волосами, он выглядел настоящим небожителем, сошедшим с небес.

Из-за приезда императора весь даосский монастырь Цинтун был взят под строгую охрану: каждые полчаса караульные сменяли друг друга. Му Цинхуа не стал соваться туда, где было много людей. Примерно определив направление, он направился в сторону глухих, уединенных мест.

Вокруг становилось всё тише, лишь изредка в траве раздавалось невнятное стрекотание насекомых. Спустя полчаса Му Цинхуа внезапно остановился: в поле его зрения возник огонёк.

Поколебавшись мгновение, он всё же подошел ближе — не из любопытства, а исключительно из-за манящего аромата жареного мяса, доносившегося с той стороны.

В ночной тишине весело потрескивал костер. Над огнем на вертеле жарился довольно упитанный заяц. Его время от времени переворачивали, и капли раскаленного жира, падая в пламя, издавали аппетитное шипение.

На взгляд Му Цинхуа, заяц был прожарен не лучшим образом — кое-где мясо даже подгорело. Но кто станет привередничать, когда в животе урчит от голода? Когда человек голоден, он не перебирает едой.

— Не припомню, чтобы видел тебя раньше, даосский брат. Откуда будешь? — раздался старческий голос, в котором слышалась усмешка.

Му Цинхуа с трудом оторвал взгляд от ароматного жирного мяса и посмотрел на того, кто его готовил.

Белые волосы и борода, румяное лицо, в черных глазах — ни тени мутности, лишь мудрость, накопленная годами. Вот он, настоящий отшельник, каких поискать: если такого встретить в миру, точно сойдет за великого мастера.

— Оттуда, откуда пришел, — холодно ответил Му Цинхуа.

Старый даос усмехнулся и продолжил:

— А куда же ты держишь путь?

Му Цинхуа указал рукой на почти готового зайца:

— Туда, куда и он.

— О, так мы единомышленники! — старик кивнул, снял готовое мясо с огня и поманил гостя рукой: — Редко встретишь человека с такими же интересами. Иди сюда, сегодня угощаю я.

Му Цинхуа не стал ломаться, подошел и сел рядом.

Заяц был жирным, но на двоих его оказалось маловато. Когда Му Цинхуа, догрызя остатки, отложил кости, он погладил живот — голод еще не был утолен.

Старый даос, несмотря на свой возвышенный вид человека, не знающего земных забот, ел ничуть не медленнее Му Цинхуа. Напоследок он вытер усы, испачканные жиром, и с улыбкой произвел:

— Ну как, вкусно? Это мой фирменный рецепт, оттачивал десятилетиями.

— Старовато, — прямо ответил Му Цинхуа. — Кое-где подгорело, вкус не самый лучший, но есть можно.

У старика округлились глаза, а лицо, казалось, начало наливаться темной краской.

Недогадливый Му Цинхуа, разумеется, не заметил перемены в настроении собеседника. Подумав, он добавил:

— На самом деле, зайца лучше варить в супе или готовить по рецепту свежего тушеного кролика — тогда он получается вкуснее всего.

— Вот как? — старик подавил досаду и поинтересовался: — Что это за свежий тушеный кролик?

Му Цинхуа жестикулировал, объясняя:

— Мясо кролика нарезают кусочками, обсушивают, добавляют крахмал, имбирь, бадьян и другие специи, перемешивают и маринуют примерно время, необходимое для заваривания чая. Затем на раскаленном масле обжаривают кусочки имбиря, чеснок, пасту из бобов и сычуаньский перец. В конце доливают бульон и тушат на медленном огне до готовности, пока мясо не пропитается ароматами.

Глаза старого даоса загорелись, но он засомневался:

— Ты умеешь готовить этого самого тушеного кролика?

— Разумеется.

До перемещения в этот мир он был гурманом, а после того, как оказался здесь, получил в придачу к статусу даоса девятый уровень навыка кулинарии. Приготовленные им блюда были не только вкусными, но и обладали особыми свойствами.

Едва Му Цинхуа закончил фразу, как его схватили за руку. С его нынешними способностями он не смог увернуться — хотя это произошло из-за неожиданности, стало ясно, что старик далеко не прост.

Старый даос быстро потащил его за собой. Он явно отлично знал монастырь, ни разу не сбившись с пути. Сделав несколько поворотов, они остановились перед невзрачной постройкой.

Вместо того чтобы войти через дверь, старик запрыгнул в окно, увлекая Му Цинхуа за собой. Тот почувствовал себя вором, но, оказавшись внутри, понял, что это кухня.

Му Цинхуа потерял дар речи. Намерения старика были ясны. Вспомнив, что только что съел его зайца, он не стал отказываться — решил, что это будет платой за угощение.

Му Цинхуа действовал ловко. В прошлой жизни большую часть времени они с Е Чунланем проводили в странствиях, и готовил всегда он. Е Чунлань происходил из знатного рода, был благородным сыном Горной обители Скрытого Меча, его учили всему, кроме кулинарии. Когда тот брался за нож, опасности подвергалась кухня, а когда за готовку — желудок Му Цинхуа. Ради их общего блага Му Цинхуа взял на себя заботу о трехразовом питании, и за долгие годы это вошло в привычку.

Под пристальным взглядом старого даоса он быстро нарезал, нарубил, обжарил и протушил мясо, в итоге приготовив того самого тушеного кролика.

Что касается того, откуда в монастыре взялся заяц — старик явно стащил его по пути.

Приготовив мясо, Му Цинхуа нашел немного муки и сделал себе порцию лапши. К тому времени, как она сварилась, старик уже съел больше половины кролика, раскраснелся от удовольствия и потел, совершенно позабыв о своем образе великого наставника.

Увидев, что Му Цинхуа сел напротив, он поднял большой палец вверх:

— Не ожидал, что у тебя такой дар! Я ем крольчатину десятки лет, но вкуснее сегодняшней не пробовал!

Му Цинхуа лишь слегка кивнул, не удостоив его ответом.

Когда старик закончил трапезу, он глубоко вздохнул, сделал глоток холодного чая, чтобы унять остроту, и спросил:

— Я — Чэнпин. Могу ли я узнать имя даоса и у кого ты обучался?

Спрашивать имя после того, как всё съел — это как-то не по-людски!

Му Цинхуа отложил палочки и равнодушно ответил:

— Му Цинхуа, даосское имя Чаншэн, без клана и наставника.

Чаншэн — это был его игровой ник. К счастью, он выбрал имя, которое неплохо сочеталось с сектой Чуньян. Если бы он назвался чем-то вроде Жареный рис с грибами или Птичка верхом на слоне, было бы куда досаднее.

— У нас с тобой есть кармическая связь, — старый даос Чэнпин прищурился, улыбаясь необычайно тепло. — Гора Цзиньань такая большая, а я встретил именно тебя, да еще и съел с тобой одного зайца. Разве это не судьба? Как считаешь?

Му Цинхуа приподнял бровь:

— И что дальше?

— А дальше... не хочешь ли ты вступить в мой монастырь Цинтун и стать моим учеником?

Му Цинхуа удивился и промолчал.

Старик, видя такую реакцию, стал еще более любезным:

— Не официально, только по имени. Не хочешь учеником — можешь стать моим младшим братом, будем общаться как равные.

Му Цинхуа начал догадываться:

— Ты хочешь, чтобы я остался в Цинтуне и готовил для тебя?

Сказано было прямо, и Чэнпин, сухо рассмеявшись, поспешил добавить:

— Мой монастырь очень хорош! Красивые виды, высокий статус, первый в династии Да Тун. С самой прошлой династии настоятели Цинтуна становились государственными наставниками.

Кстати, я вижу, что ты обладаешь выдающимся талантом и твои успехи в даосских практиках не уступают моим. Чаншэн, не хочешь стать государственным наставником? Станешь моим братом, и я в любой момент устрою тебе эту должность.

Чем больше говорил старик, тем больше ему нравилась эта идея. Он был государственным наставником уже семьдесят лет, каждый день вынужденный строить из себя небожителя перед другими, даже чтобы перекусить зайчатинной, приходилось прятаться глубокой ночью — это порядком надоело.

Несмотря на то что Чэнпин расписывал всё в самых ярких красках, Му Цинхуа оставался невозмутимым и лишь качал головой:

— Нет интереса.

Старик охрип от уговоров:

— Другие мечтают об этом, а я даже не предлагаю! Почему ты отказываешься?

Му Цинхуа равнодушно бросил:

— От должности государственного наставника нет никакой пользы...

— Есть, есть! — зачастил Чэнпин. — Государственный наставник династии Да Тун пользуется всеобщим уважением, его статус высок, даже нынешний император вынужден проявлять к нему почтение.

Му Цинхуа безразлично отозвался:

— О.

— Став наставником, никто не посмеет тебя обидеть, все чиновники при дворе будут чтить тебя, сможешь призывать к ответу и нерадивых чиновников, и льстецов — какая власть!

Му Цинхуа принялся за свою лапшу.

Старик перечислил все мыслимые выгоды, а когда слова закончились, неуверенно добавил:

— А еще на посту наставника неплохо платят...

— Сколько? — Му Цинхуа решительно отложил чашку.

Чэнпин замер. Ему показалось, что в глазах собеседника, спокойных, как омут, вдруг зажглись искорки. Спустя мгновение он ответил:

— Жалованье высокое. За год можно купить большой особняк в самом престижном районе Цзинчэна.

— Согласен! — Му Цинхуа взмахнул рукавом, решительно и благородно.

И как, спрашивается, разговор от кролика перешел к продаже должности государственного наставника?!

В седьмой день император три дня постился, совершал омовения и в сопровождении государственного наставника лично вознес молитвы Небу, чтобы обеспечить мир и процветание стране.

Многочисленные ритуалы утомили Е Чунланя до головокружения. К вечеру он чувствовал себя выжатым как лимон — устало не только тело, но и душа.

Прошло всего несколько дней, а он уже был измучен. Он глубоко осознал, что работа императора — не для человека. Непонятно, почему так много людей стремятся на трон, ради чего готовы красть и убивать — так было в эпоху Великой Тан, так происходит и здесь.

По его мнению, кроме вкусной еды, дорогих одежд и возможности помыкать другими, никаких плюсов. Да и еда здесь даже хуже той, что готовил его даос.

Зато ограничений — море. Куда ни пойдешь — везде свита, никакой свободы. Даже почесаться приходится с опаской, а в уборной сидеть с прямой спиной и пронзительным взглядом, ежесекундно поддерживая величественный образ.

Более того, он должен сохранять каменное лицо: нельзя громко смеяться или плакать, нужно быть загадочным, чтобы никто не догадался о его чувствах. Е Чунлань чувствовал, что больше не может. Каменное лицо — это прерогатива его даоса. Он любил своего даоса именно таким, но сам становиться таким не желал.

А что, если от постоянного напряжения лицевые мышцы атрофируются? Он же потом вообще не сможет улыбаться! От одной мысли об этом становилось жутко. Его будущее казалось беспросветным.

Е Чунлань боролся с отчаянием, но был обязан довести церемонию до конца, сохраняя императорское достоинство. Длинные молитвы были прочитаны и сожжены, ритуал завершился.

Старый даос в белых одеждах проводил монарха во внутренние покои, где в воздухе витал аромат сандала. Чэнпин лично заварил чай и преподнес его императору.

Е Чунлань тайком вздохнул. Одежда и манеры старика вызывали у него чувство близости — он снова вспомнил своего даоса.

Они обсудили недавние стихийные бедствия, Чэнпин, разумеется, утешил его, а затем перешел к сути: заявил, что стал слишком стар и не справляется с обязанностями, поэтому хочет уйти в отставку.

Глядя на румяное лицо и бодрый вид старика, Е Чунлань промолчал. Впрочем, возражать смысла не было — они всё равно не были близки.

Однако:

— Есть ли уже кандидат на преемника? — Каждый наставник сам назначал своего наследника. Если не случалось ничего экстраординарного, даже император не вмешивался — это был вопрос уважения.

Чэнпин слегка кивнул:

— Это мой младший брат. Он долго странствовал, недавно вернулся, как раз в самый раз.

Е Чунлань кивнул:

— Раз это ваше решение, я не против. Павильон Охвата Луны в Цзинчэне пустует, пусть новый наставник едет со мной.

— Прекрасно, — улыбнулся Чэнпин. — Мой брат привык к свободе и не очень сведущ в светских делах, прошу простить его, если что-то будет не так.

Е Чунлань согласился.

Императорский кортеж прибыл с шумом и уехал так же. Чэнпин стоял на скале, глядя на удаляющиеся повозки, и слегка прищурился.

Он вынул из-за пазухи письмо с огненной меткой, помедлил, а затем взмахнул рукой — письмо превратилось в пепел и развеялось по ветру.

— Тц, времена меняются, мир сотрясают перемены, я в ваши игры играть не буду. — Монастырь Цинтун существует тысячи лет и никогда не вмешивался в мирские раздоры, он не

позволит разрушить его при себе.

Чэнпин посмотрел на северо-запад. Как человек, не входящий в судьбоносный круг, повлияет на ход событий и сможет ли изменить предначертанное — этого он знать не мог.

— Жаль, готовил он вкусно, а я так мало успел поесть...

Когда Хэ Цинчжэнь в очередной раз преградил путь евнух Чэнь, прислуживающий императору, она едва сдержала улыбку, стиснув зубы. Она подала знак, и ее служанка тут же подошла, протягивая серебряную кашу из грибов, незаметно сунув евнуху золотую монету.

— Господин Чэнь, это каша, которую наша госпожа готовила целый час. Пожалуйста, преподнесите ее Его Величеству, она очень беспокоится о нем.

Евнух Чэнь даже не поднял глаз и вернул монету.

— Возвращайтесь, госпожа Чжэньфэй. Не то чтобы я не хотел помочь, но Его Величество ясно дал понять: он не любит каши, не любит супы, и сейчас никого не принимает. Прошу вас уйти.

Хэ Цинчжэнь сжала платок так, что ногти вонзились в ладони. Она чувствовала злорадные взгляды из соседних повозок.

Ее положение во дворце было особым: она была одной из четырех наложниц, пользовалась благосклонностью и была единственной, кто родил сына. Можно сказать, ее шансы стать императрицей были самыми высокими, поэтому другие женщины ее недолюбливали. Видя, как она терпит неудачу, многие злорадствовали.

Она глубоко вздохнула, чтобы сохранить лицо:

— Раз такова воля Его Величества, я не буду беспокоить. Фэйшуан, уходим.

— Слушаюсь.

А в карете императора кто-то нахмурился:

— Ты можешь отпустить меня? Кто-то просит аудиенции.

— Не хочу, не хочу, никого не хочу видеть! — Е Чунлань катался по его коленям, намертво вцепившись в талию. — Даос, даос, ты не знаешь, как я скучал! Как ты здесь оказался? Я

совсем не был готов, ты даже не представляешь, как я счастлив!

Му Цинхуа закатил глаза:

— Если будешь так сжимать, у меня ребра сломаются.

Е Чунлань поспешно отстранился, уперся руками в его колени и глупо улыбнулся.

Из-за суматохи волосы растрепались, воротник сбился, обнажая ключицы. Лицо другое, тело другое, кожа стала нежной и светлой, но взгляд остался прежним. Когда он радовался, то улыбался как дурачок, а его янтарные глаза сверкали, словно в них рассыпались звезды.

Му Цинхуа не выдержал и взъерошил его волосы. Мягкие, шелковистые, но уже не те, что раньше.

Е Чунлань потерся головой о его ладонь. Вспоминая, как Чэнпин привел к нему своего нового младшего брата, и то потрясение, которое он испытал, — человек, которого он хотел видеть больше всего, появился так внезапно. Он едва сдержался, чтобы не наброситься на него сразу, и только в карете позволил себе волю. Он думал, что больше никогда его не увидит...

Его чувства до сих пор не улеглись. Он не мог перестать держать его за руку, жалуясь на все тяготы императорской жизни.

— Ты не знаешь, как не повезло этому императору. Вокруг — одни волки да тигры, да еще и ядовитая паучиха. Боюсь, как бы меня не отравили, а я даже не могу ее казнить. Так обидно!

Му Цинхуа обнял его:

— Не бойся. Я умею варить лекарства, даже если умрешь — спасу.

Утешение было так себе, но Е Чунлань не обращал внимания. Раньше даос даже не посмотрел бы в его сторону, а сейчас он так изменился.

Он сжал его руку и спросил:

— А ты? Как ты попал в этот мир и стал государственным наставником? Я чуть не выронил челюсть, когда увидел, что это ты.

Му Цинхуа сам не зная почему, коснулся его подбородка. На месте. Гладкий, приятный на ощупь.

Он рассказал свою историю. Е Чунлань слушал, открыв рот:

— И ты согласился стать наставником только ради жалованья?

— Я беден, — серьезно ответил Му Цинхуа.

Е Чунлань потерял дар речи. Тот все такой же жадный до денег, но он любил его, безумно любил.

Занавески в карете колыхались, сердце Е Чунланя тоже. Длинный хвост волос щекотал лицо, Му Цинхуа не выдержал и хлопнул его по затылку:

— Сиди смирно.

Е Чунлань выпрямился, но ненадолго. Вскоре он снова придвинулся к Му Цинхуа и почти лег к нему на руки.

Янтарные глаза хлопали, ресницы дрожали. Е Чунлань, который всегда был смелым, никогда не чувствовал себя таким робким. Но, вспомнив, как жалел об упущенном в прошлой жизни, он набрался смелости и, сжимая его руку, прошептал:

— Даос... у меня есть к тебе вопрос.

— М-м?

Низкий, глубокий звук заставил сердце Е Чунланя затрепетать. Слова вырвались сами собой:

— Даос, ты можешь стать моей кармической связью?

В карете воцарилась тишина. Было слышно только тихое дыхание.

Е Чунлань нервничал, его ладони вспотели. Он старался выглядеть спокойным, но не смел поднять глаз. Чем сильнее волновался, тем больше болтал:

— Я... у меня чистая биография, никаких вредных привычек, боевые искусства на уровне, умею ковать оружие. Если твой Чисяо Хунлянь сломается, я починю. Я знаю шесть искусств, играю на цитре, рисую... В общем, даос, стань моей связью!

Честно говоря, Му Цинхуа был удивлен. Конечно, он знал, что такое кармическая связь — в игре Цзянь-3 это было главной темой.

Но он всегда играл в одиночку, не имел возможности и желания искать пару. А теперь... с Е Чунланем?

Предложение от мужчины его не смутило, но он не был уверен, что хочет соглашаться.

— Я буду очень хорошо к тебе относиться! — Е Чунлань сжал его руку еще сильнее, не заметив, как пальцы Му Цинхуа побелели, и лихорадочно перечислял свои достоинства.

Как молодой господин из Горной обители Скрытого Меча, он был хорош во всем, просто сейчас растерялся.

— Кстати, — его осенило, — ты же бедный? А у меня полно денег. Все деньги из казны — твои!

Глаза Му Цинхуа загорелись. Он был тронут, очень тронут.

<http://bllate.org/book/22147/2307316>